

18+

Виталий Балан

Ангел Я

Виталий Балан

Ангел Я

<https://litres.ru/74160714>

ISBN 9785007032407

Аннотация

«Ангел Я» — посланник сторонящейся от меня Вселенной — навещает мой остров. Иногда. Говорим. Эти беседы дают передышку: ведь я всё ещё пытаюсь сбежать с моего «алькатраса» и попросить убежища в Материнском Тепле Вифлеемской пещеры. Догнать Её, мою красавицу — жизнь, чтобы правильно прожить её, непрожитую, очуждённую, продрогшую... Над гущей молитвенных слов в недопитой чаше заката... бормочу, засыпая: «...ещё усилие, ещё один стих, ещё одна картина — и доберу! Доберу Высоту!..»

Виталий Балан

Содержание

Глава первая. СТИХОТВОРЕНИЯ	7
ВЕТЕРОК	7
КРОЙКА И ЖИТЬЁ	10
«СПАТЬ ХОЧЕТСЯ!...»	12
ПОЛУЛУНОК	14
ГАДАНИЕ НА ТОРМАШКАХ	15
МАНЕЖНОСТЬ	16
НЕ БЕДНАЯ ЛИЗА	18
СТРАСТНАЯ СЕДЬМИЦА	19
РАХЕЛЬ...	21
ПИСЬМЕНА ВОЙНЫ	23
КРАСНОЕ ЗОЛОТО ВОЙНЫ	24
СЕДЬМОЕ ОКТЯБРЯ!	25
ПОЛОСТИ СНА... (7-ому октябрю!)	27
ДУЭЛЬ	30
Г И Н Ь О Л Ь	33
«ОТРЯД НЕ ЗАМЕТИЛ...»	37
СИЗИФ	38
ПЕТЕРБУРГ — СТИХ!..	40
«ТИХИМИ СТОПАМИ -С...»	42
ГЛОССОЛАЛИЯ БУДЕТЛЯНИНА	44
РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА	46
КЛОНЫ ПОКЛОНОВ...	47

ПЕЙ-ПЕЙЗАЖ-ЧТОБЫ «АЖ!»	48
ПИСЬМА ДОЖДЯ	50
«МЫ»	52
ЭХОЛОТ — Эхо Лота!	54
ТРАВА У ДОМА	56
НАЙТИ СЕБЯ	58
ПЕСНИ ПОСЛЕДНИХ	59
ЙОТА!	61
МОРОЖЕНЩИК	63
ОСКОЛОК ДЛЯ СОЛО...	65
Глава вторая. СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ	67
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ	67
АНГЕЛ «Я»	68
АНГЕЛ ДРУГОЙ ЖИЗНИ (в сокращении, А.Д.Ж.!)	73
СКАЗКА — ПОДСКАЗКА...	75
ДО АРАРАТА?	76
РЕАНИМАЦИЯ...	77
ВИД СО СПИНЫ...	78
СТАРАТЕЛЬ	80
СЛУГА ДВУХ СВОБОД!	82
ГДЕ ИНТЕГРАЛ?	84
ВЧЕРАШНИЙ ПОЛЁТ	86
ПРАВИАЦИЯ	88
КАРАН — Д, АШ	90
СВЕТ ИМЕНИ	92

ДЕРЗОСТЬ	94
ЗАВЕЩАНИЕ	95
КВАНТЫ ГОРЯ (7 ОКТЯБРЯ!)	96
МЁРЗЛАЯ ВОДА	98
ЛУНА и ВОРОБЕЙ	100
ВОДА ЗНАЕТ	101
ДЕНЬ ИОАКИМА	103
ЛОНДОНСКИЙ АВТОБУС В ХАЙФЕ...	104
СЛЕД В СЛЕД	106
ПРИНЦ И ПРИНЦИП	108
НАД ПОРТРЕТОМ	111
ПТИЦА-ЖАРА	113
ВЕСЬ УМ — ТЕАТР	115
СОЛНИЯ	117
МЕЧТЫ ЧЕЛОВЕКА	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ангел Я

Виталий Балан

© Виталий Балан, 2026

ISBN 978-5-0070-3240-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕТЕРОК

*«...после огня веяние тихого ветра, и там
Господь».*

Из 3-ей Книги Царств, (19:12):

Его смущала пунктуация
Её надоблачных шагов:
Как будто няня Гравитация
Ей пела сказки про богов...

Он видел знаки препинания
Оставленные на воде...
И слышал слоги покаяния:
Ах, быть или не быть беде?..

Он — Ветер, чтец непотопляемый
(Не в зыбь волне, но — в строй струне!).
Она — Летящая: от «Я» до «Мы»
В полувесеннем полусне...

Без плоти плоть: неимовесная-!
Она в безветрицу грустит
Принцесса Грёза, в мире тесно ей-
Четвёртая из трёх харит.

В глазнице Солнца — в люльке оного —
ВихОрит тучи небесам
Последыш бога ветрогонного —
Эол, муж Грёзы, царь ветрам...

И вот всемирные — надмирные
Летят во сне, и наяву,
Они: услужливо красивые
Для каждого... И — никому!..

С лица слепец напьётся дождика,
Глухой услышит пустоту,
Немой споёт молчанье Боженьки...
И трое «тяпнут за» Мечту.

Подхватит Ветер песнь стаканчиков,
И вознесет... Потом у ног
Уснёт: увидит себя мальчиком —

Тем ветерком, в котором Бог.

КРОЙКА И ЖИТЬЁ

Мне не хватило золота на меч,
Хватило только на молчанье,
На пару грёз, на тройку встреч
С Безвременным и Неслучайным.

Конец — не гибель, облако — не дым!
УсПение — не песня смерти...
Невещный луч по белу золотым
Напишет: «Осторожно, дети!»

Достало б мне позолотить следы
Простивших мне, и мной прощённых!..
У Царских врат Адамовы стыды
Не опаляют обращённых.

Златошвейную пронизь души —
Не плющить блёсткой вместо Слова!
КлубОк ошибок — только потащи
За нить*: и дней забег начнётся снова!

Эпизюжчка:

«Подымать клубок за нитку — делать дело бестолково» — поговорка.

«СПАТЬ ХОЧЕТСЯ!..»

Я рАспят воронами на огороде!...
Но... только во сне я свободен...

Отбойный заклёп — Я: в кандальном народе.
Но только во сне я свободен.

Я джокер без жала в пчелиной колоде...
Но только во сне я свободен!..

Я — не Ной, не — Оно, но упрямо надводен!
И только во сне я свободен!...

Изжогно живу, сам себе чужероден,
И только во сне я свободен...

Дороден, безроден и ни разу не моден,
И только во сне я свободен.

Ружейное дуло — тоннель в своём роде
Я в дуле том сплю, потому что — свободен.

Мясо дешевет — колы огонь миномётен.
Во сне от войны я, как — будто, свободен.

Песню свою, обрюхатив пародией,
Я сплю — не пою: во сне я свободен!..

бог — Мама, бог — Папа... сад слив и смородин!..
Во сне про богов и про Дом — я свободен.

Поцелованный в сон, я Богу угоден!..
Ведь только в любви я свободен, свободен!..

Не буди меня в смерть, мой Ангел Господен:
Сон — моя жизнь, если сон мой свободен!..

Если встал ото сна — отбросив надгробье:
Значит, спал — на кресте, прибитый к свободе!

ПОЛУЛУНОК

Я забыл свои глаза
На чужом родном лице
Эгопад — с небес зола..
Обрушенье цен и сцен!.

ЗРЯ — без буквы «а» ЗАРЯ!..
«П» (э) на «БЫЛЬ» упал, как — в ПЫЛЬ!..
Из меня... измена — в «я»!
В букваре, кто «...раму мыл»?

Гений чистой пустоты
Изменила... мой букварь.
Вот начну я с буквы «Т» (ы)..
И винил споёт, как встарь!

«Мама мыла раму...»
«Мама мыла... рану (!)»

ГАДАНИЕ НА ТОРМАШКАХ

Долгоиграющая в любовь Луна
Весы усов на Заратустре
Темперировала гирьками света,
Вытанцовывая из себя при этом
Позвонки поминального хруста
Беспозвоночного сна!..

Линяет сонорная замша
Когда-то согласная звонко
Бить зорю в пространстве тормашек,
И знать, что в домах черепашек
Тайно ночует душонка,
Из пятки Ахилла сбежавшая.

В Тормашках провидят уснувшие глыбко:
Там каждый привязан к «банджи» -канители:
Вниз головой — чтоб до дна без ошибок
Сквозь ледную корку провальных попыток!
Тормашки подскажут, чей сон — не смертелен!
В гробу Достоевского: ...на лике — улыбка!..

МАНЕЖНОСТЬ

(«КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ»)

Каждый смычок, ищи свой молчок.
Каждый молчок обрящет смычок..
Ты — Худож, или — Дож?

Каждый невежда,
Вежды не смежит —
ради надежды
Остаться в МАНЕЖЕ...

Палитру, как лошадь, он будет манежить,
(Не в поиске веры, а — в жажде манеры!)
Поддакивать правде (её он не режет!),
Но учит приметы, и рвётся — в примеры.

Ужимиста кисть при желании нравиться,
Ломлива подводка любого мазка,
Манера в манерность ужели не свалится,
Как только в товар превратится тоска?

Жеманство кота в дирижерстве хвоста,
А вычурность славы на бармах Иуды...
Жив Лазарь? — в его погребальных холстах
Есть место шедеврам: пиши — не убудет!

Поёт чья-то кисть неопально опально:
В пальцах испытанных красками в деле...
Я же...
спросонья, смотрю не скандально:
Мой чайник остыл, и грачи улетели!..

НЕ БЕДНАЯ ЛИЗА

Маркёр планетного биллиарда,
Ревнитель Права на ошибку,
Зачал двуполоую улыбку
На теле мозга Леонардо

Воздушно-капельный плясальщик
Летал парабольно — привычно:
Когда в лучах живородящих
Взошло «сечение да Винчи»!..

Неоперабельна улыбка
С портрета Лизы дель Джокондо:
Она сжигает, как улики,
Сердца живущих несвободно.

«Учёная пляска " (в народе — балет!) —
Диктует художнику встать на пуанты:
Рукою да Винчи Свой Автопортрет
Рисует Господь: «Мону Лизу»...анданте!

СТРАСТНАЯ СЕДЬМИЦА

Что можешь ты у Ран Моих сказать?!
Что — сил хватило только устоять
На грани между светом и грехом,
И — только на коленях под крестом?..

Что можешь ты у Ног Моих сказать?!
Что ты боишься голову поднять:
Увидеть гвоздь, ржавеющий в крови,
И — боль, как достояние любви?..

Что можешь ты у Дней Моих сказать?!
Что — даже не умеешь умирать?..
Что ты не лгал, но правду умолчал?..
Что — не страдая, всё же сострадал?..

Что можешь ты у Слов Моих сказать!?
Что ты без неба учишься летать?
Что ты, утратами не обожжён,
Смешал любовь и безмятежный сон?

Что можешь ты у Слёз Моих сказать?!

Что — зёрна слёз устали пашни ждать?

Что — под крестом теплей, чем на кресте?..

Что ты — пророк просроченных вестей?..

Что можешь ты у Врат Моих сказать,

Иль — только голосить и причитать?!

Я — твой вопрос... Я — голый на кресте...

Ты — мой ответ на подвиг во Христе!..

РАХЕЛЬ...

«Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль горькое рыдание: Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет.»

Иер. 31:15

Моложе света только свет.
И старше света — он.
Кто жизнь обожит? — детский сон,
Начала которому нет.

Судьбу раскачЕль до небес
И прыгни: с ладьи — на ладонь!..
В Горсти погости — до чудес:
Войдёт в твоё сердце огонь.

Гордыня царапает лёд...
Падёт!.. удержать — тщета!
Но Огнь поядающий ждёт:
Смолчат ли в груди уста?

Разверзни хрящи на груди,
Выви сердце твоё, и отсель —

По ниточке звуков взойди:
Над нами рыдает Рахель!..

ПИСЬМЕНА ВОЙНЫ

Уютная мамина сось
Научит меня мною быть,
ЗаГУЛИТ любую «Небось!»,
И «ТЫКом» настроит — на сыть...

Смердит несварение мозга...
Дождит тучеглазый абсент:
Смертями командует поза —
В которой зачат прецедент.

Ступени в кровавой склизоте,
Над Яковом «Вира!» скрипят...
Игра на ракетном «Фаготе»
С Шопеном знакомит ребят...

Матери — светлым по светлому —
В Книгу небесную встречены...
В Боге нет мёртвых — поэтому
Почерк войны неразборчивый

КРАСНОЕ ЗОЛОТО ВОЙНЫ

Там каждый осколок — соло
Для битых часов с боем!
На сломе соломы слова...
Спят танки усталые стоя...

Обезглазели окна домов.
Заземлились съедобные взгляды.
Вальтасары жрут гирьки часов —
Невесомости адовой ради.

Скрипки скрепов секущихся душ
Исцарапали ноту ветра...
Так, что красное золото луж —
Пусковая войны примета!..

СЕДЬМОЕ ОКТЯБРЯ!

«Пирьы Сарданапала блекнут!..»

Н.А.Некрасов

На флаге спал Сарданапал,
Из неги зверя выпуская:
В крови слюна, в глазах — напалм,
В клыкe — вся правда серой стаи!

Узел — в память, в стружьях — стропы,
Парашютно-десантных дождей
Радио-блюз изотопов
Насыщает ураном вождей...

Птицы в клювах прячут небо...
Поседела мальчишечья тень...
Пляшет погань — людо-небыль —
В непроснувшийся день!

В тигле сердца: стенки — в крошево:
Вытекает сиротский Кадиш!..
Отче, страну Твою — «брошенку» —

Поцелуй... в раскалённую тишь!

ПОЛОСТИ СНА... (7-ому октября!)

Стопа и сто «па», и — танц-чЕреп земли:
Увяжет случайные связи ГлобАльность —
Взметая «батмАн», на пуантах в крови...
Балет-эпитафию пишут о бАле!

В блиц-тОржищах скидки на вИны войны;
Разъёмные души танцуют о Маме;
Путями беспутными ртутные сны;
ПросмОтровый зал заполняют телами!..

Гашетки «хэштегов» пляшут онлайн
В рокочущем ритме расстрельной икоты,
Ружейные жЁны поют «Every time!» —
Для тех, кто оставил Любовь без работы.

Короста корысти — в кость холокост!..
Крайними сроками дышут пророки.
Уроки укоров — свезли на погост:
Войну осушить — не достанет протОки.

В доходной воде поклёп — на поклёв:
Поклёвная сыть Стервятницы-Ночи!..
В эмалевом небе летит Гумилёв,
И звоны бросает во всех обесточенных.

Обломные смыслы Ильи Ильича
Дышать надрываются в сторону Бала..
Фигур пересменка, корней и начал:
Оправдывать гибель Земля подустала...

В Египте полонникам снится Вудсток:
Подземные «панчи»* взрывают удобства!..
На «Fender» -е* Джимми*нашли волосок —
И генам Рамзеса пришили отцовство!

Прищёлкнул в Ливийской пустыне затвор:
В патроннике дремлет Царь-мальчик-молчальник,
С облупленной арфой, с давидовых пор,
Ушёл он в затвор: переладить Начало!..

* «Панч» — у рокеров, мощный агрессивный акцент на барабанах и ритм-гитаре;

* Джимми Хендрикс — лучший гитарист мира, звезда Вудстока;

* «Fender» — название фирмы, изготавливающей муз. инструменты.

ДУЭЛЬ

Линза лужи
(Прищур уже!)
Прожигая дыру,
Начинает игру!
Через платок, вслепую:
Вочеловечить пулю:

Чтобы жизнь понять,
Надо смерть призвать

Пуля в животе — смута...
Свинцовая вишенка Утра.

В пустоте размножается цвет!
Утро в лиловом выходит — в свет!

Воск жжёт, потому что не лжет...
А бездетный напалм никого не ждёт...

Алмаз — «Аз!»...вживляют подкожно!
«Аз есмь!» — объяснить сложно.

Словеса на весах через каждое «ах!»
Осиное жало в ушах!

Линза луж прожигает дыру.
И дуэль начинает игру!..

Когда жизнь твоя вся — снаружи,
Значит, ангелам ты не нужен!

Переживи как «да»!..
Судьбы простое «нет».
Истает счёт годам —
Как невечерний снег...

Зеркала на дуэли убивают — любя:
Целишь в другого — а видишь себя!

Небо и вОды... Идёт гладь на гладь,
ЗАстит прицел белопенная прядь:

Волоски облаков, или — кипень волнЫ...

Коль цели — в прицеле: пацаны — в полцены!

Два жерла, два барьера, и пыжятся пули...

Белеют в зерцАлах сведённые скулы

Секундант, словно мавр: «Платок, где платок?»...

Судьба не отменит последний урок.

Сквоженье дыр — дырит «право на кровь»:

Сквозь Плат, сквозь Небесной Царицы покров...

Ответчика абрис в зеркале истца:

Две амальгамы, а в них пол-лица?...

Г И Н Ь О Л Ь

«Тут одна только правда, а стало быть, и несправедливо».

Ф. М. Достоевский, «Идиот».

Вдох, разжалованный в рядовые,
Генеральному выдоху — сводня.
У золота зубы — сплошь игровые!..
У меди — медийные, но... — до сегодня!

Дожди моей воли низложены болью,
Катышки слов простотой огорошены,
ВолОся, не спяна, не сбуй, взъерошились:
Гертруде подсыпали жемчуг искрошенный! —
Клавдий с ГамлЕтом сыграл в монополию...

Бомба взлоскутила череп стручка:
Раздернуты швы в розоватые губы,
Роль мне свалилась в поддых, с кондачка:
— Ты Иерихон, а я — твои трубы!..

Ты — моя реплика, слово и цепь

Ремарок подспудных — для тайных значений!
Пауз акульных давно не творец
Ты... А — только текст для моих развлечений.

Делом равны: мы с тобой — Персонаж:
Мы авторской целью завязаны тангово.
Но-!.. Роль — это Я!.. А ты — декупаж
Себя самого, кракелюр на Вахтангове!..

Где твой балкон? Ты ведь был Сирано?
— Темницы плащей не скрывают кинжалов.
Очи в ночи не слезятся давно:
В крови не ржавеет иудино жало!

— Стольким словам подарил ты огонь:
С ним пепел и ветер сыграли в молчанку!..
Жестом роденовским вычленил стон,
Но!.. «С маршем пришедший — уйдешь под шарманку!»

Имя моё — Мейерхольдовский сон:
Сыграю тебя... и — любого из ваших!
Слёз дам — в трагедии, фарс мой — смешон.
Я — улей Ролей для недоигравших!

«Жизнь — это сон!» — подсказал Кольдерон.
Светаёт. Поклоны. Суфлёр в паутине...
Сыграна смерть, но не сыграна Роль.
И занавес сверху — как гильотина:

Голову зала от рампы — на"вжик!».
Игра она жарче, чем в рай контрамарка:
Призрак играет с китом в Моби Дик,
Вымя волчицы — для Рима приманка.

Гамлет суть зеркало: сын и отец,
Полночный король стал полуденным принцем,
Роль выбирает: из вечности детств,
УдИт имена на живую денницу*.

Телом — Отелло, душою — жена!
Душа кружевная на камне обиды.
Гуртом в траве — монетка вина:
Сциллы избегнешь — не минешь Харибды.

Жребий жирует — сидит на игре...
Он пал на тебя, обозвав лицедеем...
Шут кипятит молоко — на золе:
И кошку бродячую мажет елеем!..

Я — в упованье тебе, ты — во мне...
(Играл, но не игран, бросал, но не брошен!).
Арфе Орфея доверь сделать снег —
ВискИ и следы он утишит порошей...

В стружку старушку — шлифует азарт:
Пороги игры — в умирании роли...
Только б найти среди масок глаза,
Зовущие звонами всех колоколен!

Кружилится шар, оцифрованы ставки.
В башне души чепуши'тся Гиньоль!..
— Господь, опрокинь же меняльные лавки!..
— Небо, спаси от игры мою Роль!..

«ОТРЯД НЕ ЗАМЕТИЛ...»

У короткой души — сугробА с полноги:
ХрустозУбствует снег, пожирая шаги...

ОскорлУпит ледком змеевидную тень
Безземельной зимы изворотливый День.

Братолюбствует сердце, но брата — неймёт!
Покаянье — на крест, как на нерест, идёт...

Голосам оцифрованным в облаке слов —
Нету дела до вдовьей артерии снов!..

Полоса ползунковых усилий добра...
И — пуста кобура... Неужели — не зря?!

СИЗИФ

«...Избрал Господь Сион, благоволил соделать его жилищем Своим».

Пс.131:13

Усилить себя — чтобы в гору,
Трудом истекая Сизифовым,
Над уровнем горя!.. Измором,
К навершию веры — всерифмовой!..

Камень... он сердце моё выталкивал.
Босыми ногтями надломно —
Врезаясь по склонам в наледи —
Горы, где бездомный Надомник,
Обеты Блаженства спел на людях...

К Нему я криком помалкивал.

За перевалом всё сбудется:
Только б сердце скатилось стаккатно
По верблюдице тряской улицы!..
И — в завтра, и — до заката!.

ПЕТЕРБУРГ — СТИХ!..

Серость небес неохотно слезилась,
Тротя невинность в угон...
Серость гранита собой обольстилась
Так, что поверила в сон:

Теплая пыль подсупружилась к шлёпу
Стопочек Ксеньи босой...
Жизнь переходная сохнет по небу
Влажного слова "покой»...

Ветер серебряный райского слома
Дует в Господнюю бровь!..
Рать буриданову («Сено-солома!»)
С первой потребности — на кровь!...

Звук погубительный — карлик горбатый,
Режет крестом ветровым...
Август — породистых туч император —
В злате: зла Атом намыл!

Светом невидимым, духом душистым...

Всё ещё тянет трава.

Боже, изми* у нас, верою нищих,

Водительские права!..

* ИЗМИ (церк. — славян.) — избавь, изыми.

«ТИХИМИ СТОПАМИ -С...»

Щепотью букв кропит Пиит
Шуршащие крылами рифмы...
Кошачий хвост Эйнштейн грозит
Коту: пустить на логарифмы!

Шаги дышали шибко, но — в затор:
С носка — хорей, удары пяткой — в дактиль...
Затих (усатых двух!) подстольный спор.
Букет окалин — на озоне сварки!

Талант шагать — зарыт в песке арен,
Один Озон (=) и слов три-кислых-рода,
Взыскует прорицания катрен...
Арканы арок ищет Воевода...

Но ветер разметал пески шумов —
И Тишь смешала гулкие резоны...
Царь — Шёпот вышел из тоски умов
И «ветрево» донёс: Пиит на троне!

Сложни'к, слагарь и утешИтель звёзд,
Он спит стоймя, как спят деревья, кони...
Ему в подглавье Ангел понанёс
Пернатых взмахов — лётных, освящённых!

Щепотью шёпота кропит Пиит
Сокровищницу слов небесной рифмы!..
И огромляет каждого — кто спит
Подобьем тихих песен Серафимов!...

ГЛОССОЛАЛИЯ БУДЕТЛЯНИНА

*«А потому, говорящий на незнакомом языке,
молись о даре истолкования»*

1Кор.14:13

Золу от зол рождает ржа. Пеняет пена!
Во мрак слепого влез мираж.
По Схиме плачет Схема:
Удар — как дар принять! В кураж без краж!

У суеты — нет сути, у сути — суеты.
Нет братства в панибратстве.
Нет радости — в злорадстве.
И к Богу — не приблизишься «на Ты»...

Соло для сала ласкала Ля-скала...
Прихоть Орфея: храм Звука — зиждИть
В тоннах тональных пассажиров на саже
Всходит кла-ВИ'ШНЯ: молитву белить!

Скиты — на скате крыши «Скэт». Такса на Стикс — икс.
Пламя — не племя... пылить — не палить...

Отправь, Авва-Отче: наши поиски — в микс:
Включи икс-лучи и — слей в Неолит.

Камень «Аминь!» — на Камне Петра — нео-ветра!
Нео-века!.. люди- гранит!.. Слов камнепад!
Сердце — рубин!.. Руби, пилигрим, храмы в горах!..
Камень-монах янтарно зовёт в камней-сад.

Эпи-ложечка:

«Мне суметь войти в звук... внутри храма уст, то... я увидел бы небо;
увидел бы солнце; космический храм бы возник, гремя блёсками...».

(Белый А. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин: Эпоха, 1922. С. 66—

67)

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Годы сменяются днями...
Дни смеются годами...
Взгляды стреляют гвоздями...
Наши — лишь те, кто не с нами!..

Ризы отцовы — в подпалинах:
Небо божует в развалинах...
В Ад приведут оправдания,
Короток век замыкания.

Звонами рождал пощёчины
Ощип — крылом обесточенным:
Знай, без межИ нету вотчины,

Тьме за окном слал молитву я:
«В Книгу слепую — без титула,
Отче, впиши Ты два имени:
ПАПА и МАМА,
и
не вмени мне...»

КЛОНЫ ПОКЛОНОВ...

«...разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним?»

Ев. от Марка, 12: 1—8.

Жар обезжиренной жизни издержан:
Город Ассизи, узнавший Франциска,
Флаги возжёт от угольев надежды,
И небом запахло вкусно и близко!..

Кверху корнями восходят поклоны!..
Лучник лучей — предводитель Сиянья:
Дарит калёным поклонам — икону,
А каждой иконе — право Молчанья.

Небо иссохшее в купол стучится:
«Купол, ты — Чаша Намоленной боли!
Слёз не хватает — дай небу напиток:
Вы'дождить нечем Слезу Божьей воли!»

ПЕЙ-ПЕЙЗАЖ-ЧТОБЫ «АЖ!»

Саламандра Заката...
Воспалённый седалищный нерв Огня
Мешает Солнцу присесть на тире»
Бесконечное тире горизонта...
Обезноченные жесты о самом себе
Жухнут:
Жизнь-невидимка обернулась
Женой-недотрогой!
Жёлтые мысли — неслышимки
Пишут стихи о своих стихах
Симпатической кровью
На ладошках древесных и мечтают
Осенить Осень
Древесным трусом, чтобы:
Стать
стихо-кружением дервишей —
И...
Сорвавшись с ветвей,
Как с языка Руми сорвавшись,
Кружить, и кружить, и кружить..
Вместо Жить!..
Не смейся над пустотой —
Вдруг Её нет?
Вдруг Она — Смех?

Вдруг Она — Жизнь?..
Мысли — неслышимки
Окрутили боль «в ноль!»

Дерева дрожат — как, дорожат
Животом земли!
Осень...
Пустота опадает в золото.

* Руми — суфийский поэт, слагающий стихи, кружась в танце;

* Трус (стар.) — волнение стихий, буря, землетрясение.

ПИСЬМА ДОЖДЯ

*«Когда мой гнев утих, пошёл дождь: теперь я
знаю, как мне вызвать дождь!..»*

Вит. Балаи

Писал он мне
так искренне,
так близко...
А я умел не знать,
А я умел не звать...
Он изливал без спроса:
Шумел и многоточил,
Озлившись, холодел...
И не всерьез хлестал
(Тем сам себя пугал
Поболе чем всех прочих!)
И к четвергу отходчив был:
Смывая боль с пророчеств,
Был мил... и очень мыл.
Умел стеной стоять,
И ситечком кропать...
Умел колпачить звон,
Шутя — до бубенцов...
Клянётся ребятня:
Войдя в актёрский пыл,

Он,
При свете дня,
Вчера:
Прикинулся слепым...
«Бла-бла!"... «та-ти-тата!»...
«Всё прах и суета!»
Он мне писал и шёл,
Он шёл и говорил...

«М Ы»

Начертатели тени,
Архитекторы дна,
Теоретики лени,
Инквизиторы сна...

Мы дышим падымками Воли —
Беспечного луча Любви...
Мы небо пьём через расколы
Благословенной Тишины!..

Поваренная соль Добра —
На чёрном хлебе осмысленья:
Горбушку неба до утра
Разделит с звёздным Всепрощением...

Мы — в яме долговой Копилки:
На дне возводим из песка —
Ступени к Солнечной Дразнилке,
Смочив слезой своё «пока!»...

Грядёт породистый Закат,
Под оправдательные марши!..
В трёхжильный окорок Утрат
ВселИт Господь ошибки наши!..

ЭХОЛОТ — Эхо Лота!

*«В начале было Слово, потом — ...слова, слова,
слова!»*

Иоани,1:1; «Гамлет», Шекспир

Жжёт

Молния!..

И лжёт:

«Мол, не — я!..»

В звон

Звания,

(Зол!),

Зван — не я...

Грёз

Градусы:

Вмёрз

Град в усы!..

Флёр

Фатума —

Вор
От ума!..

Смех
Алого:
Грех
Мал его!..

Власть
Синего:
СПАС —
Сын Его!..

ТРАВА У ДОМА

*«Дни человека как трава: как цвет полевой —
так он цветёт. Пройдёт над ним ветер, и нет его,
и место его уже не находит его.»*

Пс. Давида, 102

Вектор века ушёл в себя.
Над любוליшёнными — вымя
Капельницы
С: псих — раствором!..
О, вымена!.. О, нравы!..
Хоботки шприцов
однорОзовой жизни
испачканы красной строкой
заката!..
Ассенизация слов.
Стерилизация снов.
Короста корысти.
В «Доме Кристис»:
рысаки — крысы,
наскальные мысли,
оскальные фиксы,
фискальные «биксы»...
«Трава, трава у дома!»...
В болотистой области неба
звуки идут по нотам:

нота — в ноту, стопой зевоту,
давя!..

(Как на работу!)...

Топ — в топь, топь троп...

Пот нот, Блок нот...

Лот — в лот, плоть — в плоть.

Зыбко, шатко, хлипко.

Сшибка — и глохнет скрипка!..

Комья присохли к звукам,

звуки прилипли к мукам!..

Только кома —

всегда дома.

Выйду из комы —

Стану паломник!..

Комья, комья, комья...

А в ком — я?.. О ком — я?..

Снег нег.

На примусе мысли я превращу:

золото — в Слово!..

Я мыслю — значит:

«Я» существует!

НАЙТИ СЕБЯ

Найти себя, — чтобы собой увлечься!
И даже полюбить любовью скоротечной!..
Потом понять на станции конечной:
Что ты искал себя, — чтоб от себя отречься...

Гадательной слезой среди зеркальных битв,
На дыбе чувств омой одну из ста молитв:
«Найди — услышь, мой Бог, среди могильных плит
Мой обо мне захлёб тоскующий мотив!..»

ПЕСНИ ПОСЛЕДНИХ

«Душа знает всё, но не самое себя!»

Мейстер Экхарт

В смерть — как в дом — разувшись.
В среде обитания знаков:
Я — Твой!.. Найди меня, Сущий:
Я меньше росинки маковой!..

Я жизнь свою не востребовал,
СизАрь-почтовик кружАрится:
Над ним — семиглавого неба вал,
Под ним — мимолЕтия Данница.

В тенетах теней руку Музыки
Ищу растопыркой дрожащею:
Нисхода бемольные узники
Бахваляются треснутой чашею.

УмЕршие в Боге — не мёртвые:
В Благого шагнувшие — благостны!..
Ловцы человечков увёртливых:

В Ничто-то складируют радости.

Молю: вместо тени дай истину —

Прохладу в огне Стыдовластия!..

Воистину: вынырну, выстыну!..

Лишь отучи меня красть себя...

ЙОТА!

Чуду по имени АННА...

От разбора полётов —
До разборов падений:
Плачет малая йота
Над могилой сравнений!..

Мотылёк поцелуя —
Ликованья Предтеча —
Не устал (Аллилуйя!)
Перелистывать свечность.

Невечернего рая
Ветерок, крылышка,
Поднимает, играя,
Мотылька — Поцелуя!..

В ветерке — обещање:
Люботворных полётов,
Поцелуев прощальных —
Подслащённых на йоту!..

МОРОЖЕНЩИК

«Мир подобен коню, которым правит пьяный всадник.

Виноват всадник, но со стороны кажется, будто конь беснуется.»

Преподобный Фёдор Студит

Отсырели одежды жалости —
Недодали огню стыда...
Пустотени вгоняют жало в стих,
И сползает в оЩИп звезда.

Чудеса зарастают взглядами
Невостребованных детей...
Под картонными камнепадами
ХлыстослАвится свист вестей.

Безязыкие пляшут звонницы
В меднолобое время острот:
В пересортицу мир попросится —
Когда небо пойдёт в народ.

Мотыльково, толково, наново,

Возвратятся лучи как один:
И спасутся в Ковчеге квантовом
Гравитонные струны спин.

Собиратель улыбок МОРОЖЕНЩИК —
Дарователь прохладных шаров —
Утверждает, что жесты дороже книг,
Если жестам отец — САВАОФ!..

ОСКОЛОК ДЛЯ СОЛО...

Ловец, пока не стал прозрачен,
Чертил песочный джаз-квадрат,
Врезая в мой умишко рачий:
«Есть ДА — как НЕТ, есть НЕТ — как ДА»...

Я сбрил усы на циферблате,
И в Соль вошёл по самый «вдруг»,
И на рассыпчатом квадрате
Поклялся, что сыграю Круг!

Проверил снасти, вскинул крылья,
Смахнул запрет с лежалых дум...
Взметнулась пыль — на пыль чихнул я;
И стих сварил из какаду.

Мой стих — не я: ведь я — обмолвка
Звезды, погибшей налету...
Я вышел в раму — за осколком...
Поймал!.. А — там: «Жё тэм...» «...сэ ту...»!

В снопах лучей — игла разлуки:
Железный нрав её смешлив!..
Твои, Господь, целую муки:
«Пока я снюсь Тебе — я жив!»

Глава вторая. СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

*«Поздний из ранних, что ранний из поздних.»
Народная пословица*

Я должен был родиться завтра, но уже сегодня я почувствовал запах бабушки. Бабушка пахла моим детством.

Я должен был завтра всё понять про свою жену, но уже сегодня я читаю роман про Анну Аркадьевну Облонскую!..

Я должен был завтра узнать, что такое любовь, но уже сегодня я обнаружил, что боюсь открыться.

Я должен был завтра родить сына, но уже сегодня я узнал, что смерти нет.

Я должен был завтра научиться писать, но уже сегодня я назвался Гамлетом — сыном Призрака!..

Я должен был завтра поверить в Бога, но уже сегодня я захотел Им стать!..

Я должен был завтра умереть, но только сегодня я заметил, что родился!..

А Н Г Е Л «Я»

На плащ Ангела моего опускались хлопья гари...

Траурными бабочками ядовитые хлопья пустоты порхали на солнечном ветру среди шумных цветков огня...

Воздух дрожал от страха быть съеденным до пузырька.

Зыбилось всё!..

Пустота горела, но не сгорала — шумы, подкармливая огонь, прибывали и прибывали!..

Не всякий огонь — к свету. Шум — это мятежный Звук, не вставший под ключ Соль. Гул, вой, рёв, скрип, стук, стон, зык: всё это Музыкой не назовёшь!

Шум — это тело Пустоты.

Сердце стучится в Любовь, и если не отворяют — шумью шумит.

И выгорает сердце, и пустеет. Хотя... то ли шум — от пустоты, то ли пустота — от шума: кто знает?..

Шипят в сердцах Пепелища — до вскипу!.. Громче шелеста ряс поклонных — бранных стягов шорканье: во времена обезлюбленные празднует пустошная пустота победу над Музыкой.

Алчба!.. Никак не насытятся времена бременами. Бременами страстей!..

И: как душа алчет Хлеба Покоя — так алчет пустота Хлеба Маеты.

Но взойти к Тишине — как?.. Ну, — не по ступенькам же глухоты!.. Неслышимость нот — ещё не есть Тишина!

Тишина — Любовь.

При жизни мы репетируем смерть. По смерти мы репетируем жизнь. Вечная репетиция!..

Но когда же поднимется занавес? В чьём сердце я увижу спектакль «Про моё тихое «Я»?

«Не порывайтесь, дерзкие, ко Господу увидеть Его, это принесёт вам смерть!..». Книга Исхода.

— А, — услышать?.. услышать Бога можно?.. — обернулся я к Ангелу с вопросом.

— Полюби. Струями света с небес Любовь прольётся на тебя, и озождит светлой тишиной, исполненной ответов. Тишиной — Вещающей!..

И он, словно стесняясь своего голоса, представился нетвёрдо:

— Меня зовут — Ангел «Я»... Сказал и поморщился от боли: чёрная снежинка успела когтистой лапкой своей оцарапать ему щеку.

— Жаль, что шумы сердца — не суть шумы крыльев!.. — безотносительно к чему либо пробормотал я. И поспешил добавить:

— А меня зовут «Я».

— Не печалься, «Я»... — обратился Ангел «Я» ко мне. И от утешающих слов его пахло подснежниками...

Облако-паузы пригласило нас к себе — помолчать, и мы

благодарно согласились. Чтобы ботинками не греметь, я разулся в прихожей, Ангел«Я» сбросив с плеча хитон, повесил его... ни на что — повесил, и хитон повис!.. и мы в тишости шагов наших взошли по крутым ступеням на крыльцо Дома — Укрома, Дома-Паузы: и Облако вобрало нас.

Пауза — это тайная рука Гармонии, подающая Тишину, как милостыню, обнищавшему ритмами миру на паперти храма Согласия Нот.

Под нашими невесомыми стопами в прозрачной глубине живородящей Паузы резвились стайки золотых, первородных слов. Мы шли над смыслами и звуками, в молоке облака! и ничего не боялись. И никуда не торопились... Тишина приучала к смирению в Любви. А Пауза — к милосердию в Звуке. «Прости им, Государыня Музыка, отпавшим от тебя звукам, ибо не ведают они, что — НЕ творят!»

Из пАдымка сомнений, нависшего над рекой мысли, бегущей одновременно в двух противоположных направлениях, Берег Вопроса сам вышел к нам.

— Как будем уходить?.. — тоном бывалого фронтового разведчика устало спросил меня Ангел «Я». Моё безответное молчание было, как молчание салажонка-первохода, ни разу не бывавшего по ту сторону фронта — за линией смерти. Замешательство первохода никак не смутило Ангела «Я».

Да и вообще, умеет ли он смущаться?... Он ждал. Ждал как имеющий власть: ибо знаком был с ангелом «Время»

— и твёрдо помнил все его имена. И, не дождавшись ответа, насмешил меня нырком в неожиданную модуляцию: Ангел «Я» сменил менторский тон ветерана на школярское шушуканье, и стал похож на подсказывающего мне соученика. Он посылал прустоголовому — «стоящему у доски», неясные шуршащие фонемы, призванные отвадить, отшептать от невежи провальную «двойку». Но я был глух!..

Ситуация смешила нас обоих: он запикивал мне в уши ответ на свой же вопрос. — Как будем уходить?.. Уйдём, как пришли?.. — шелестел он снова и снова. Для него было очень важно, чтобы ответ мой был вызвучен мною.

Я мимически переспрашивал его, по-детски вздёргивая недоумевающими плечами: Мол, не догоняю!..

— А как пришли, а? — продолжал подсказывать Ангел «Я».

Но пузырьки шипучих звуков подсказки напрасно кружили вокруг моего слуха: не проникая в мои мозги, они лопались в воздухе так часто и беспорядочно, что производили что-то вроде фейерверочной трескотни подождённых шутих.

Потом, минуя все предисловия, он пустился бормотать странную максиму, повторяя её вновь и вновь — словно мантру:

— Услышать можно лишь то, что хочешь увидеть. А увидеть — лишь то, что хочешь услышать!..

Безостановочно. Бред какой-то!..

Я думал, он никогда не кончит, но... Ниоткуда!.. Пришло!.. Оранжево умирая, запищали кавычки амбивалентности в голове, и — меня осенило!..

— Мы уйдем через букву! Через место в имени твоём, Ангел «Я»!.. Буква «Я» — и есть то самое место!.. Место — в имени. Единственная буква, которая обозначает место для имени: это — «Я»!.. Место-имение!.. Мы уйдем, как пришли, — через «Я»!..

— И чьё же «Я» откроет нам портал? Твоё или моё?

— Никаких «ИЛИ»! И — моё, и — твоё! Посвящённое Богу, и Сотворённое Адамом...

Мы ушли. Примятая нами трава распрямилась, и уже ничто не напоминало о... Хотя, нет-нет: две пары оживших кавычек червячками елозили по земле. Но и их история оказалась недолга: прилетела кукушка — и!.. Только самодовольное её «КУ» повисло, зацепившись за ветку, в ожидании ветерка.

ВСЁ.

АНГЕЛ ДРУГОЙ ЖИЗНИ

(в сокращении, А.Д.Ж.!)

Ангел Никакой Смерти (А.Н.С.) сильным своим крылом дознавательно — больно и познавательно — долго бил в коробку моей головы, где плескался мой мозг... Я сам его об этом остро попросил: из-за тупой нехватки образов для писательства. При этой моей просьбе дерзость моя выплеснулась решительно, и — по полной, на белую одежду Ангела. Чёрными чернилами!.. Мы оба ахнули в чистую приму, то есть — разом!.. Ничей глаз вооружать окуляром нужды не было: ясней ясного видать: чернильные вкрапления обещают быть стойкими ко всякого рода отмылкам. Всплеснув ошарашенным мозгом, я почти сразу понял: забрызганную моей дерзостью беловидность Ангела отдать в стирку будет не очень-то и легко. Так и вышло, в конце концов. Приёмщик Чистки потребовал от моего ума изворотливости: он попросил описать степень отчаяния — до которой надо отмыть мою дерзость. Ум мой отказался изворачиваться, и белый некогда хитон А. Н. С. так и остался запятнанным моей чернильной фамильярностью. Что мне было делать?.. До ума добраться, чтобы с умом поговорить, — опять тяжело: ум живёт во чреве марАкаса — то есть, в темноте костяной коробки, похожей на дыню. Не достать! — вот я и нанял Ангела

Другой Жизни, А.Д.Ж., за приличное вознаграждение: положил ему две полнокровные сейчасные мечты на счёт Жизни Другой. (Для ясности, «жизнь другая» — не есть «жизнь другого», а жизнь, которая — из меня, откровенно -моя!). Ну вот, из того, что объяснил мне А. Д. Ж., я понял: самую высокую степень отчаяния надо искать либо во сне, либо в детстве... Либо в детском сне. Вспомнил!.. Нашёл!.. Я был годов пяти, когда мне мой старший брат сообщил с прискорбием: «Ты умрёшь!..» Сквозь столбняк вытекло со слезой: «Почему?» — «Ты грыз ноготь!..» Дерзость жить, которая родилась во мне тогда, она и есть та самая дерзость, что полнится моим самомнением до сих пор! Но, всё меньше и меньше... Ангел Никакой Смерти, я прошу тебя:

— Не носи ты в Чистку запятнанные по моей вине твои покрывала...

Дай мне их поносить. Это по мне...

На чисто белые одежды я не заработал!..

СКАЗКА — ПОДСКАЗКА...

Тать-Царь украл мою сказку. И выправил её под своё бдение и хотение...

Сказочные желания мои забрил в солдаты.

Полонянками — грёзами, оживил свой гарем.

Ну, а моим снам «О чудесах» приказал служить постельничими в его золотой опочивальне.

Царь решительно переиначил мою Сказку: низведя до банальной Присказки.

Софию сменила Софистика.

Цифры вернулись к управлению судьбами.

А всех несогласных с диктатурой Цифры *Тать* загнал в сырые подвалы

Самобичеваний.

Полюбил Великий Реставратор просыпаться по утрам под перезвон причинно-следственных цепей.

Сказка моя никогда не жила счётом, и — потому, в ней никто и никогда не умирал.

Не умер бы и я, — если бы мою Сказку не переделали бы в Присказку!..

Но не доглядел я! Разиня!.. Прожил в Присказке, а в Сказку так и не перепрыгнул!..

P/S. Почему не величают человека в 40-ой, 9-ый и 3-тий день ДО его схождения в Жизнь?

ДО АРАРАТА?

Парное парнОе — пар Ноя. Идёт Ной по ковчегу, а из него — пар.

Идёт ковчег по морю, а в нём — пАры и парЫ. Всякой паре — по Ною. «Человек Кормящий», Homo pascens.

— Эй!.. тварь, ишь — товарищ! Откуда сам-то?

— Я-то?.. из зноя я... из Ноя я.

— Подбросишь до Арарата?

— Нее... Я бросил подбрасывать. А Арарат это где?

— Кто ж его знает?..

— Пошёл ты... — к Ною! Ветку — в клюв: и — лети отсюда!

— Так нет же никакой ветки!..

— Не ной, если ты — не Ной!.. Не ной, если Ной — в ноль!.. По дороге на Арарат надо лететь хвостом вперёд, чтобы прошлое стало настоящим, ясно? Лети в связь!.. Живи в связь!.. Дыши полной Будью! Слышь?.. Обещательно дыши!..

Эпи-ложечка:

Раритеты — араритеты. Обломки Ковчеха не найдены, потому что мы все и есть те самые обломки.

РЕАНИМАЦИЯ...

«Мы теряем его!»

«Я теряю вас, люди!»

«Ухожу *от вы!*!»...

Разряд!.. Фраз — ряд!..

Навряд!.. В нерв — яд!..

Не осиноый — электрический! —

Молнии штык!

Перворазрядный, многозарядный

Штык... штырк... шшшш-ток!!!

Ах, молния!... «Мадам, как *молниИтельно!*!»...

Кол молнии — в сердце просится:

«Разряд!» Кило... ватты — не из ваты — *киловатттриушка*

— не игрушка!..

В сердце — дыра: давние дела.

Искра не задела. Искра гонима. Искоренима!..

В дыре: всё постыло, что не остыло!..

Тело Тыла в дыру смыло, без мыла. Хирургическая маска

— самая солёная маска в мире.

Маска, я тебя знаю:

Ты — смертельно уставший вечноживой человек по име-

ни

«Раз надо, то — Разрядно!!!»...

ВИД СО СПИНЫ...

Цельнокаменный рай ударил в самую глухую, немую, безглазую и бескрылую часть меня — в мою спину!..

Всякий удар живёт ожиданием результатов.

Кто так *ушибно* домогается спины моей!.. И — почему?..

Безбрачному вопросу — многодетный ответ. Гадай и толкуй!..

Господи, как же больно!.. немогутно и ломотно мне!..

Обернулся. Никого. Распустил глаза — глаза разбежались... Растерялся, не знаю куда смотреть. В траве — яблоко... Но взгляд не достиг ни единого деревца вокруг.

Поднимаю плод. Поднял. Но удержать не могу — пудовеет яблоко.

Рассвело.

В белой и чуть волглой смирительной рубашкой туман заботливо пеленает мою растерянность: что мне было делать с ниоткуда прилетевшим и стремительно тяжелеющим яблоком?..

Земля тянет к себе яблоко. Яблоко — руку. Рука — время: тянет и тянет.

Хочет разлучить, разрознить, разженить.

А время идёт, отдуваясь, пыхтя и сплёвывая: оно впервые не поспекает за мной.

Башка моя, дурью утолченная, ничего не может подска-

зять слабеющей руке:

то ли отпустить плод, просто разжав пальцы,
то ли отшвырнуть от себя — в туман, как неразорвавшуюся гранату?..

Но вот, впереди замаячило пятно. Намётка фигуры забрезжила сфумато*... Что-то мельтешит по самому краю земли*, будто человек идёт?.. Обозначилась спина.

Бросаю «яблоневою гранату»!..

«Идущий — впереди» остановился. Может, я задел его?..

Выедаю, воззреваясь, контур...

На мою удачу, туман, словно пелены объевшись, начал терять признаки белого своеволия.

Прояснило.

И силовые линии абриса зазвенели токами смысла: пятно ожило, полностью вочеловечившись...

Кто ты?..

Не верю, но — вижу: на меня с удивлением смотрю Я, сам!..

* *Сфумато* — живописный приём, избегающий чётких контуров;

* *Земь* — земля, в знач. дол, низ («о-земь»), пол.

СТАРАТЕЛЬ

Крылья Ангела пахли мраморной пылью.

Я спросил его голосом ветра: где золотят слова?

Ангел голосом воды ответил: в Междуречье... Там, от начала всех начал, поселился Старатель, Словодобытчик. Между Белым Тигром Слез и Багровым Евфратом Крови. А слова золотит он звёздным светом. А золото звёздного света Рачитель отбивает из чёрного шлиха ночного неба.

О, сколько пустых мечтаний и беспородных снов прошло через его старательский лоток!.. Великий Усердник рыхлит и моет золотиносные россыпи от семи небосводов в семи водах, Тигра и Евфрата. В дело золочения идёт всё: от красного мерцания умирающей звезды — до голубой вспышки сверхнового солнца. В ковше Медведицы Старатель плавит лучи, лучики, отсветы, искорки и блики...

Войдя в голос соли, я продолжил вопрошать Ангела:

— Можно ли выучиться на Ревнителя Золочения, чтобы стать Великим Старателем?.. Чем платить и сколько? И — кому?..

— Отдай две капли, — голосом земли отвечал мне Хранитель мой. По одной опусти в каждую из двух рек. Слезинку в Солёный Тигр, а в Багровый Евфрат — кровинку.

— И всё?..

— Так обретёшь пересверк речей твоих. Но: блеск словес-

ный вскипит золотом лишь при одном условии...

— Каком? Не томи!..

— Только если молоко матери твоей на губах твоих... НЕ
ПРОСОХНЕТ.

СЛУГА ДВУХ СВОБОД!

Тоска отлежалась на мне,

Отливая свинцом,

Попивая винцо...

И — пошла

Завоевывать мир...

На медяки от продажи меня в рабство

Тоска накупила кило тянучек «Мечта», три корочки правды и наточила во флягу спиртовой тяги, литра полтора.

И — «поминай её, как звали, как гнали, как валяли»...

На «блошином» рынке усвоили меня покупкой: Вода и Тишина.

Служить двум господам — не всякому по моготе и силе, но — двум господам пригождать — это дело иное.

Вода омывала меня мудростью: с головы до ног.

А Тишина жалела и любила.

Переманить меня ни одна из них не старалась.

И мне не хотелось выбирать между ними.

Они были сестрами, но...

Сестрами — не простыми:

Вода была когда-то тишиной,

А Тишина — водою.

Предыдущий пассаж — под замок: заусти себя, всяк-познавший сие слухом!

Ибо, всё сказанное мною — есть секретная тайна, наисекретнейший секрет!

Как я узнал?

А вот как — сижу я часом над краем воды...

Сижу, а Тишина, неслышно так (тишиной зря не назовут!) подобралась ко мне и приобняла по-домашнему мягко и тепло...

А вода при этом вспыхнула. Не огнём яростной ревности вспыхнула она, а — светом радости, блистающим и несказанным.

Прояснило в мозгу моём: вот Свет!

Он и есть Отец двух дочерей, Воды и Тишины.

В один божественный миг сёстры стали неотличимы друг от друга, и — от Света, и от всего сущего на небесах и на земле. Всё живое пело мудрую любовь и возлюбившую мир мудрость.

Когда вошёл я в тихие вОды света, я стал слугою двух свобод!..

ГДЕ ИНТЕГРАЛЫ?

Я плюшевый интеграл и
Меня не взяли!..
Детёныши Детерминантов мною играли,
но... взять — не взяли, не смогли взять.
Сказали, что я — из Неберущихся:
мои функции не просты!
меня нельзя проанализировать
ни методом Симпсона,
ни методом прямоугольника,
ни даже методом трапеций.
И внесли меня в «чёрный список»
неберущихся интегралов, и...
сунули под желтоватую матрицу,
в которую я в своём
дифференциальном детстве
скандально мочился,
подсунули и оставили на даче Дичи...
Детерминанты и их дети уехали!!!...
Слава Неберущимся — они никому не нужны!
Я теперь веду жизнь дачную, хоть и — неудачную...
Среди плесени лесной — не до песни основной...
Гиены гордыни гогочут — лязги зубовные точат:
По стЕнам да по застенкам: насекают зазубрины —

чтоб зажабрить меня и зажалить:
гаданьями псевдо-рунными
измочалить!..

Мол, возьми себя сам, Плюшевый —
Себе докажи, что — Берущийся!..
Жуткуйся от мнений множества!.. —
Так избежишь мысле-ложества!..»

Бормочу по ночам:

«Закройся, злой памяти Пасть,

Не дай в отмщенье упасть!

Чтобы душою — не в грязь!..

Ты обещал: «Воздам Аз!»...
— Ась?..

Брошенку — душу плюшевую,

Я интегрально прослушиваю:

Суммируя «охи!» и «ахи!»,

Цифрой гоняю страхи.

Интер-Грааль,

Оставь мою Жаль!..

ВЧЕРАШНИЙ ПОЛЁТ

На блестящий шар мозга Нищий высыпал, стряхнув с ладони, вчерашний полёт бабочки, и... замер: от полёта остался лишь трепетный холмик дымного пепла. Полёт сгорел. Вчерашний день отошёл, а с ним отошла в мир иной и бабочка.

Может ли воспоминание о порхающем, живом цветке быть назойливым: холмик зазывал, поддразнивал: «Пытливость — не потливость!.. пытливость — не потливость!.. Попробуй-ка, человек, вернуть небу вчерашний полёт мотылька!.. Сможешь?..

Огонь — Поглощающий не имеет обыкновения возвращаться в прошлое — он весь устремлён в будущее: ведь столько полётов ещё не съедено!..

Нищий-полёт-человек с таким жаром тоски взглянул на пепел, что грустная горстка серых хлопьев вдруг вспыхнула. Хрусталик глаза сработал как выпуклая линза: разгорелось *ужесгоревшее*. Сгоревшее ещё вчера...

Под крышкой немой головы человека, меж серых извилин его отчаяния вдруг сквозанул холодком ветерок догадки:

Вчера, Сегодня и Завтра перестали быть.

И Нищий увидел, как на его плечо опустилась чудесница — бабочка!.. Вечноживущая-Однодневка!..

Послышался неслышный шорох крыльев, как — шорох слов!

— «... *Полёт* — одно из имён Бога!»...

— «... *Полёт* не бывает *вчерашним*, как не бывает *вчерашним* Бог!»...

— «... блаженны нищие *Полётом*, ибо они утешатся!..»

ПРАВИТАЦИЯ

Небоступы по недоступным

Ценам —

Их решетят впереборку,
из змеиных шкурок.

Потом продают в Знаковом море неравенств.

Старт дан:

Змеи времён плывут среди льдин —

Холодна кровь времён...

Винты кораблей лохматят сон волн

И срезают любопытные головы змей.

Мертвые времена никого не ужалят.

Жалит только память о них.

Жалит жалостью к пустым пространствам.

Пространства от временной недостаточности заболевают
пустотой.

Опухоль пустоты кишмя кишит гравитонами.

Гравитоны — эти «микробы» гравитации. Они, заражая
пустотой, раздвигают любое пространство до размеров души.

У них нет собственной массы — они легче луча света. И
потому, нету такого могущества, чтобы ловушку для них
построить.

Но можно убить время, плетением небоступов!

Посапывая, плетИ небоступы, да слушай книгу о Нравитации!..

Потом, надев небоступы, убей память о том, что не умеешь летать, и...

«Вперёд и выше!» — как горько сказал Пролетарский писатель.

КАРАН — Д, АШ

Портреты стариков из Дома призрения... Мой карандаш. Мои старики. Личины, лица, лики... Комедия масок Смерти — трагедия масок Жизни!.. представленная Театром Пустоты на площади длани Господней!..

Морщины — как следы от резцов Судьбы, иероглифы-памятки о юдольной суете сует.

Войти в лицо старика, и поселиться в нём, как в старом доме, чтобы по следам разрушений: по росчеркам трещин в стене, по сыпучим оползням штукатурки, оголившим скелетные рёбра дранки, по листопаду уставших обоев, по жилам стёртых до щепы половиц, по игре бликов на оконных осколках... — прочесть повесть о работе Лета Господня над плотью жизни.

Образ человеческий!.. ЧТО намеревалось сотворить с тобою Время, и — В ЧЁМ оно преуспело, играя глиной лица, — вот мой интерес!.. далеко не бубновый!. Время, оно — «стек», «правильце», «царапка» в руке Божьей?.. Инструмент Творца. И инструмент — весьма чуткий...

Снег седин человеческих верит только в покой...

Радужки — «ладушки» глаз, забывая свой цвет, тускнеют...

На берегах морщин — соль от высохшей обиды на сбывавшее время...

Самодельный кораблик спешит: из детства — в детство,
из вечности — в вечность... летит.

Летит — непоправимо!...

СВЕТ ИМЕНИ

«Солнце — это Бог».

Уильям Тёрнер (предсмертные слова).

В начале было Имя. Имя Имён!.. и лишь затем: имена, имена, имена...

Проросшая Слеза Адама творила... зовы! Зовы имён. Цветы пели. Их тон выкликал, зазывал, приглашал безымянные сущности выйти из хаоса, чтобы принять венец имени своего.

Праотец дожидался восхода солнца. И когда на розовый плат рассвета, выкатывался золотой клубок лучистого ежа, Адам — умилялся... В слезу умилялся!.. Так начиналась каждым райским утром адамова работа. Так работал работу Первый Человек.

Любовь — это одно из имён Солнца. Тело Любви — тело света небесного. Несокрушимое и невесомое. Сиятельное!..

Бог пишет картины миров — лучами. Цвета нет — есть только свет. Свет любви Творца живёт в алмазах умиления. Играя отражениями, Создатель, словно перелистывает слёзные грани восторгов. Сверкающие и магические, лучи с каждым отражением крепнут — *обоживаясь!*.. И потом, животворные до ретивости огневой, открывают они адамам тайну многоцветия Луча Чистого.

Не знающий начала не узнает и конца!.. Свет никогда не начинался — он был всегда.

Путь Слезы благословен. Соль её ручейка очищает любой помысел. Очищает до Промысла.

Адам плакал зёрнами будущих имён. Плакал светло до алмазности... Зёрна слёз его прорастали. Под Солнцем Любви всходили и распускались удивительные, поющие цветы. Краски бутонов и лепестков пели улыбку Адама в ключе Соль... Рефлексы звуков скакали, резвясь, словно солнечные зайчики. Свет богатеет своеволием своим. Свету — закон писан!.. Писан им самим, и — для себя самого!.. И не затем, — чтобы помнить, а затем, чтобы забыть о законах окончательно!.. «По прочтении сжечь»:

Светом слезы управлять нельзя — о нём можно только просить.

Дар ищет молитву, чтобы стать чудом!..

Линяют лепестки звуков.

Иссякают призывы.

Изводятся воззвания.

Имена — имена!.. Незазванных судеб стада, где ваш пастырь? Где Адам?..

Вознесись, именная песня моя!..

Боже!.. попусти Адаму дать мне имя.

ИМЯ МОЁ, НАЙДИ МЕНЯ!..

ДЕРЗОСТЬ

Земля — это глазное яблоко Бога... То самое яблоко — из Рая: надкушенное Двуглавым ангелом любви. Ангелом, которого звали Адамиева. (Даже в имени его была частичка ада: Адам-и-ева, АДА-миева). Земля — это глазное яблоко... «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя...» Космос — вырвал и бросил: и яблоко летит...

Следы укуса на шаре Земли сочатся морями и океанами. Многими водами, солёными водами раны исходят. Чьи это слёзы?.. это его слёзы — райского сада!.. Бедный, бедный Парадиз — Всемогущий Однолюб!.. Ты успел полюбить нелепую двухголовую сущность («И стали двое одной плотью!»). Бедный, бедный Всемогущий Однолюб!.. Ты живёшь во Всегда: Неизменна слеза, неизбывна улыбка, Пожизненна радость, нетленна ошибка...

Ты вырвал глаз твой — чтобы не ослепнуть сердцем. Ты ведь не телесными глазами видишь. И не телесными глазами слепнешь.

Ты слепнешь Нелюбовью сердца... Двуглавый ангел, с частичкой ада в имени его, и — в судьбе, полюбил себя больше, чем... Случился грех Нелюбви.

И яблоко Земли летит...

ЗАВЕЩАНИЕ

Родился Царь.

В голубином глазу родился...

В глазу говорящего голубя.

Дева зелёных квадратов ласково дышала на него добрыми
жизнями.

Младенец пил труды квадратов и прекрасно вечерел...

Когда же глаз голубя угас, Жизнь уволила Царя вчераш-
ним числом из... Завтра.

Нашли переписку монарха с его жизнью.

«Печать Власти плюёт в меня восклицательными знаками:

Труд жил, труд жив, труд будет жить!

Над жизнью всегда есть место..!

Дороже жизни только... дороже!

Жизнь прожить, — не минное поле перейти!

Да... трудоустроить Жизнь не просто:

мы так привыкли, уходя — гасить свет.

Жизнь-после-Жизни, не оставь оставляющих тебя!

Мы научимся не гасить свет, уходя...»

КВАНТЫ ГОРЯ (7 ОКТЯБРЯ!)

Солнце-денщик, сумЕрничая, уничижается до алого бегства за горизонт. Его дети-лучи один за одним умирают для права светить...

ВдОвы уходят не в чёрный цвет,
а — в цвет Неотражающий,
они принимают в душу цвет ночи.
Они словно вечные жрицы Заката.

Лица, побежденные смутой отчуждения, светятся предупреждением «Не подходи: не согрею и не освещу!»

...Вдовы — силуэты беды.

Контуры человеческие.

Абрисы.

Они пропускают этот мир сквозь себя, не процеживая его даже взглядом: дым, туман... морок один!

Сближаться с ними, по живому чувству, никто не может: эти женщины уже не здесь.

Они — как бы отнекиваются от самих себя.

Человек, который не — «Я есть!», пугает.

Это самоотрицание излучает иссеро-зеленоватые тона всепроникающих квантов горя!..

Ненужность нужной человечности... сама вычерчивает круг допустимости приближения ко вдовам.

Никто не смеет ступить за эту черту.

Радиус прозрачной уединённости, радиус вдовствующей пустоты, люди, не сговариваясь, вычерчивают циркулем страха. Иглой этого фантазмагорического и железного шага служит сама вдова. Иглой и центром.

Физик бы сказал: " Меченый атом!..»

В перекрестии микроскопа всеобщего внимания, её чёрный платок позволяет исследовать процессы обмена сочувствием среди людей, и описать круговорот добра и зла в природе человеческой.

Она — в центре прицела, в эпицентре взрыва беды. И ... она задыхается!..

И только Господь заново даст ей правильно пользоваться воздухом: дышать — небом! Зло съедает все запасы кислорода на Земле...

Творить закаты (на свой лад!) человек научился. Только их он и творит!..

А вот кто сотворит Восход?..

«Шей, вдова, широки рукава:

Было б во что класть

Небылые слова.»

МЁРЗЛАЯ ВОДА

Офелия весны плывёт.

В ломкой реке.

Снег венчального платья стекает

в хрустальную туфельку, стоящую на бубне волны.

Ева природы ещё не осознала свою неодетость.

«Голенькая, ох! — А за голенького Бог.»

Снег умеет делиться на голь...

И в кого мне так жарко?..

«Всё течет: всё — из ...меня!»

С **п**отом — потоп.

Водоплавающие Звёзды — звёзды съёмные,

Они сданы в наём Ною.

Звезды-наёмники

Купаются в потоке **л**юдовом

Покудова!..

Не скучно вам?.. Не грудно вам?..

Когда вам простыдно — простудно вам?..

Грёзоточивая оттепель ушла в лужу щенка!

Остистое дерево тёрн... Пущу из себя ость...

Праща, прощай: сказал Давид, и спрыгнул с горы Мориа

в венчальное платье власти: голова и руки торчат из сугроба царственной хрусти.

История — это мозговая кость, брошенная в будку давно

умершего пса.

Не всякая кость живёт мозгом.

Но всякий мозг костенеет у трона Земного царя.

Окостеневший мозг шлифуют, режут, золотят, чтобы с де-
лать из него корону.

Быть мне — точимому на ость...

Золочёному — на Осень.

Хочу прорасти остью —

Пушкинской тростью.

Фирма «Ной» по продаже зонтов, плащей и калош: «Про-
резинь свою волю к спасению!»

Но кажется мне: чтобы не утонуть в луже, попробуй по-
любить её автора — щенка.

Хотя бы!.. Начни с малого — с никому не нужного:

«Жилет не даст утонуть в слезах ни вам, ни себе!»

В хрупкую хрусть —

Сердце, не трусь!

На усости уст —

Раскудельте грусть!

ЛУНА и ВОРОБЕЙ

Эскимо выпрыгнуло из её пальчиков. «Случайность — язык Бога»... Мы смеялись в белую кляксу на асфальте. Просто так смеялись: как два подростка. Очень-очень взрослых подростка. И очень-очень счастливых.

Прискакал воробей... Прискакал и начал клевать луну: сладкая лужица от мороженого сбежалась в идеальный круг на сером топталище. Воробей наполнялся луной, он ею полнился.

Исполнялся!..

Презабавно и самозабвенно!.. до того самозабвенно, что какой-то велосипедист, неведь откуда взявшийся, разрезая колесами луну, чуть было не раздавил пернатого гурмана. Гурман успел отскочить!.. Слава Богу!.. Луна, в воробьином чреве, как и сам луноносец, гибели избежали!..

Что же до недоеденной части луны, то:

один остаток на велосипедных шинах умчался в далёкую липкую даль.

А другой — скоропостижно иссох на августовском тротуаре. Вот так вот!.. питаться среди бела дня ночными светилами — вещь небезопасная!.. «Луна с крылышками»!.. Эй!.. Где летаешь ты?.. и — о чём чирикаешь?..

Отзовись!..

ВОДА ЗНАЕТ

Это было во сне.

Это будет во мне.

Опускается дождь —

Не на землю...

На небо.

Дождинки парят,

Дождинки кружат...

У каждой свой путь.

Своё небо. И своя вода.

Я — Наблюдатель. Изучаю

водоснабжение дождинок.

Между нами стекло: мой дождь выжигает на нём следы,
треки.

Здесь скорость воды выше скорости света, потому что
стремится к нулю.

И — это не бред: ведь среди нулевого народца встречаются
частенько абсолютно чёрные дыры!..

По желанию моего глазного яблока, точнее, по прихоти
хрусталика, живущего в нём,

треки либо красиво волнуются, либо пунктирно заикаются.

Мой взгляд, он —

свободный узорщик, сочинитель кружев из треков эле-

ментарных водяных капель.

Капли не знают состояния покоя. Они либо бегут: по щеке, по стеклу, по уму, и тогда они — волны. Либо они падают по одиночке на небо, дождинками срываясь с поверхности земных чувств...

Досмотреть сон нельзя, но... додумать — можно. Хотя додумывание всегда чем-то пахивает.

Задним опытом жить, или — передним:

всё одно, чем раздражать ноздри!.. Сзади потягивает гарью. Спереди — выхлопы с примесью свинца!..

Либо жить, либо додумывать.

Но, чу!... Отошли вОды!.. «Земля-Воздух»!.. вот-вот родится Вера, чудная девочка!

Только бы: «с водой не выплеснуть ребёнка!»...

(Чур, детское место — моё, мне!)

ДЕНЬ ИОАКИМА

Начальник Света — это безначальное Начало...

Невечерний свет — это свет, неоцифрованный Хроносом..

Свет-камень, свет-трава, свет-слово, свет-тишина, свет-улыбка, свет — поцелуй, свет-любовь, свет-Бог!..

Бог любит Светлое!..

Ну, что? — по кружечке света, и — за работу!..

ЛОНДОНСКИЙ АВТОБУС В ХАЙФЕ...

Линялый шум так долго умирал,
что у самого дождя терпенье лопнуло.

И он слил всю свою речь-течь сквозь прореху небесного навеса в две минуты. И — затих, немея.

Двухэтажный красный автобусный кит выбросился на асфальтовый берег и открыл кингстоны согласно путевому листу.

Когда-то, ещё в юности, он мнил себя настоящим ковчегом.

Теперь же...

Кит судорожно ссезивал и всасывал сквозь дыры в боку. Он дышал вялыми, двуногими, людскими тельцами не без труда.

Привычка дышать людьми его уже утомляла.

Дождевая вода заливного шоссе быстро теряла в весе и в территориях — мелела.

Отступая к морю, на заранее подготовленные позиции, вода тихо, но злобно, урчала, как желудочный сок в пустой утробе города.

Прорезиненные веера автобусных дверей опавлинились на закрытие: гармошки кингстонов задраили бока красного кита:

и он с яростным сипом, рокотом и стуками, продолжил свои исчисленные километры.

Утро прояснело.

Город исполнился.

До следующей остановки,
как до следующего дождя...

Под шёпот шин.

Под шорохи ширм.

Под шипение шрамов.

И под шелесты шёлка...

СЛЕД В СЛЕД

*«Шли, не оставляя следов, перерождаясь в
ангелов...»*

Анна Гаятри

Кровь потеряла много меня,

Когда превратилась в речь.

Серые тельца реченной пыли, мешают свёртываемости

мысли —

И речь течёт, и течь речёт...

Пустотные дожди пытаются смыть с асфальта... следы пере-
ремен.

Дети играют «В классики» — вычерчивают, белым по се-
рому, квадраты, и,

преодолевают их, номер за номером на пути к победе..

Взрослые тоже играют. «В классики»... Но — иначе: они
мелкими обводят тела проигравшихся друзей...

Мелковый период мелководных периодов веры.

Любимая, научи меня не оставлять следов на асфальте об-
лаков.

Помнишь, ты говорила: «что уходит без следа, остаётся
навсегда»?..

Научи меня такому, твоему, «навсегда».

Нашему — «навсегда».

И — поступью не видной,
По облакам асфальтовым,
К Божественно-невинной Бесследности
Пойдём!

ПРИНЦ И ПРИНЦИП

*«Мой, трижды стиранный, Гамле'т —
Опять на мне, опять, как новый!..
Подъемлю шпагу и стилет,
Но — только тени от короны!..»*

В. Балан

Расстегнул я грудину...

Из однобортного тела

Вынул буханку сердца — чтобы раскрохотить над Озе-
ром,

Угощая отломышками

Водоплавающую крылатость...

Но Ворон слету срезал булку,

И, в два клевка, натыкал в ней глазастые дыры.

И, бросив мне под ноги сердце моё, улетел.

Я подобрал буханку — бУхает нормально! —

И, присыпав солью глазницы булки,

Вернул на место — за грудину — хлеб сердца моего!..

Теперь я вижу мысли слов,

Пришедших меня разбудить...

Они меня тормозят и торопят,

Вытаскивая из колодца сна,

И делают это с открытым усердием (?)..

Но я-то вижу:

Сквозь пробитое в двух местах сердце прозреваю :
«А вдруг и впрямь — думают Слова, — проснется окаян-
ный,

Да ещё и — не с той Стороны зеркала!»

Когда же Слова раскусили меня:

Поняли, что я читаю их мысли,

Они стали меня сторонится...

Гляделками зы'рки бросают в меня,

И — в обход. И — наутёк: во все брызги солёных шепот-
ков, мои слова сонорно

Сбегают от меня в температуру Очуждения,

Как сбегал Весовщик («Быть — Не Быть!») — Гамлет в
музыку Тени:

Целая тень, полутень, четвертушка, осьмушка, од-
на-шестнадцатая тени...

Тень — делима, размножается делением!

Свет — нет: из него не выкроить кафтан.

Свет объясняется монологами.

Тень же, ищет собеседника:

Она хочет говорить только с Тенью.

Эльсинор — вот Вечный театр теней...

Тень Отца, тень Матери, тень Сына,

Тень Царедворца, тень Невесты, тень Брата, тень Узурпа-
тора,

Тени двух Однокашников-Предателей...

Они все — тени...

Как только Призрак Отца Гамлета заговорил,
Дания тут же отбросила жуткую тень — Эльсинор!
И Сын стал тенью Тени!..

Из живых только — Горацио.

Друг!...

Всё настоящее — живо.

Горацио спустился из мира живых

В царство мертвых...

Он — и Данте, и Вергилий вместе.

Вергилий — потому что, смертен,

Ну, а Данте — потому что живой свидетель.

В Эльсиноре нет Времени, нет Весов, нет Форм и нет

Ошибок.

И Гамлет не ошибался, убивая не тех, и веря не тем!

Просто, он ничего не выбирал, на самом деле.

«НЕ быть!» — выбрал за него Призрак

«Ну что, являлась нынче эта.. Странность?» — спросил

Принц у Стражников Ночи.

Отец призвал Сына к мести, и Эльсинор разверзся:

Начало Мистерии, перестало быть началом, а конец стал
бесконечным. Мечь — мать тени.

«Мне отмщение и Аз воздам!» — кем отставлено? Ради
чего?..

У короны длинные тени.

НАД ПОРТРЕТОМ

(мысли с губой вприкуску!)

Господи, верни мне чувство воды...
Обозвожено слово моё,
Обесточено!..
Оглоданы камни обид
До корней зубов
Моих...
Почему, перед кладбищенскими сторожами
И — перед палачами, люди слегка заискивают?
Я иду в сторожа, чтобы стать
Сторожем брату моему!
Беру уроки арамейского,
Чтобы поговорить с Богом о моих родителях и...
О вселенской слезе ребёнка.
Брось в меня голубиной глупостью,
Любовь моя!..-
Пусть летит глупость поверх волн Мудрости —
Прямо в меня,
Прямо — ко мне!
Почтовая глупость... белая, кроткая — записка
На окольцованной птичьей ножке.
А в записке — прописи Мышкина:

«Игумен Пафнутий руку приложил»...

И — «...я в торги не вступаю!»...

Лев Николаевич,

(Не граф который, а — каллиграф),

Я за вашим плечом стоял,

Когда вы портрету одной красавицы сказали:

«Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!»...

Помните, князь, мы с вами говорили над этим портретом:

— Так вам нравится такая женщина?

— Удивительное лицо!..

Лицо весёлое, а она ведь ужасно страдала, а?..

(Вот это ваше «-а?», князь, меня, признаться, покорило

совершенно!)

— Об этом глаза говорят... Это гордое лицо, ужасно гор-

дое, и вот не знаю, добра ли она?..

...

Ах, если бы время делилось на ноль пространства!

Ах, если бы Суд остался бы висеть яблоком на ветке Эде-
ма!..

Ах, ах, ах..!

Мы осуждаем Время за превышение скорости, выписывая
ему «штрафной» талон с двумя датами: рождения и смерти.

И сетуем на Небо за НЕпревышение власти!..

«Ах, кабы добра!»

ПТИЦА-ЖАРА

Двенадцатого июля 2010 года. Вечер. Жара. Безвоздушие как бездушие... Дверную ручку рву на себя как чеку на гранате, и — головой в лето, в топку тропиков: чтобы успеть пробежать пятьсот метров до библиотеки и не задохнуться. Раненый голубь за дверью. Вдруг. Спешу отодвинуть, или переступить: не до него. По дороге, набегу, настигает досада: надо помочь. Как? Как?.. Некстати!.. Некстати!.. «Позвоню ветеринару»... «Что скажу?»... «Крыло, перебито крыло!»... «Чем кормить?»... «Где держать его?»... «В доме собака — они не уживутся вдвоём». Каждая распаренная мысль берёт высоту ленивым перекатом. Рапид совести. Готовлю себя в спасатели, но без воодушевления. Добродель должен быть здоровым и цельным. Перед благотворчеством он не должен пахнуть потом!.. Но... Жара! Жар. Раж. Ржа. Жар — птица. Голубь, не спасённый мной, ты — жар-птица моя, и по возвращении я нашёл тебя раздавленным на мостовой. Чья душа стучалась в мои двери? Не знаю. Но знаю теперь, что совесть свою пересылать самому себе в конверте «до востребования» нельзя. Знаю, что была проверка, и проверку эту я не прошёл. Знаю, сколько стоит такая вещь, как — «вовремя»: тридцать серебряников самоуважения. Розов последнюю пьесу назвал «Спешите делать добро». И хоть Ахматова предупредила: «Добро делать трудно. Зло легко, а

добро — трудно»... легче от мудрых максим любящих меня классиков мне не становится. Прости меня, моя мечта о чистоте... Прости мне Жар-птица моей удачи, за то, я превратил тебя в Птицу-Жару!

ВЕСЬ УМ — ТЕАТР

Роль девственная, значит, — никем не игранная. Сыграть Смерть, как и сыграть Счастье, можно лишь по предназначению. Такую роль называют *невестная*. Она исполняется единожды, в спектакле «Брачная Ночь Истины». Право на такую брачную ночь заслужить нельзя. И вымолить невозможно. Но можно: убив в себе Командора, выйти к рампе, и отбросить тень, как отбрасывают от себя окровавленный меч Свободы От Жизни. Затем изваять из отброшенной тени золотого истукана, придав ему черты портретного сходства с Основателем Театра Ума. И, пожав тяжёлую десницу Основателя, попроситься к нему в ученики: «Дескать, научи меня не восходить, а сходить с ума!.. Но научи сходить так, как сходят с корабля... на бал...». В ответ Истукан расплачется от бессилия понять фигуры речи. А ты, после золотого дождя истуканских слёз, убеди его в том, что все беды мира, так или иначе, *«истуканяются»*.

Шагни потом назад — ступив точно на поворотный сценический круг Неисправимых Ошибок; дождись включения светового занавеса, и — исчезни, наконец, уплывая на круге ошибок в контурную даль арьерсцены.

«Гильотина» лучевой плоскости фотонной занавески отрежет тебя от зрительного зала, и ты без помех, а значит, по праву войдёшь в *невестную роль Смерти-Жизни...* И, да

свершится над тобой праздник Брачной Истины.

Роль «невестная», он ещё и — роль «именная». Её порой так называют. *Именная, значит* — твоя и играть её только тебе. Именная — не в смысле наградная, как маузер с гравировкой: «За подвиг — разведчику Ф. И. О., сходившему за линию фронта между Жизнью и Смертью, и взявшему „языка“, который оказался Гласом Вопиющего Молчания», а в смысле — именительная разнодвижность исполнителя роли: Актёр с бейджиком на судьбе, на шее, на кармане, или на большом пальце ноги...

Именная!..

Такая роль не требует специальных репетиций. Да и текст Сценариус принесет лишь за мгновение до начала Пре (...) ставления. А, может, и не принесёт... Тогда — старый добрый Хэппенинг!.. Жаль, что придётся играть без партнёров. Но Моноспектакль должен состояться в любую погоду.

Второй звонок — скоро мой выход, или — уход... из гримёрки. Режиссёр шипит по трансляции: «...не забудьте встать в свет!..»

— Уж, постараюсь!.. Обидно, что «райкА» * со сцены не видать: а я ведь играю исключительно для него, для райкА!..

* РАЁК — устаревшее название верхних мест в театре, под потолком.

СОЛНИЯ

Счастье очень похоже на смерть: ведь «счастливые часов не наблюдают». То есть, молния счастья сжигает мосты времён!.. И для счастья нет ни будущего, ни прошлого.

Счастливые Люди живут только в настоящем времени, живут исключительно ярко и исключительно недолго, потому что живут они в точке невозможной на земле, а возможной лишь в Саду Эдема — в точке Безвременья, в точке Жизни-Смерти.

А недолгим Счастье бывает, не из-за скупости Создателя, никак!.. Просто, пунктирные кривые времён ведут себя непредсказуемо, как непредсказуемы решения человека.

Безвременье очень зависит от настроения влюблённых, и точка Счастья, она же — точка Смерти-Жизни, возникает на пересечении Забвения и Памяти!.. Забвения себя и Памяти о другой душе, душе друга, душе любящей и любимой.

Разрыв пунктира Прошлого должен совпасть с разрывом пунктира Будущего — чтобы получилось пересечение пустот, где тебя уже нет! Два «нет» — на одно настоящее «да»!

Если повезёт, то в него, в это «да», метко ударит Солния — молния валентности сердец — и Две души сумеют отогреться у неопалимого камелька, подбрасывая в огонь изломы сухого, стреляющего звёздами, пространства!..

МЕЧТЫ ЧЕЛОВЕКА

Свет тишины совершенно случайной души освещает донную бездомность Человека с флейцевой кистью в руке. Он расцветивает слоги своего молчания, чтобы собрать их в витражи из недосказанных слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.